

№ 58

Суббота, 2-го ноября 1919 г.

Цена отдельного номера 4 руб.
В провинции 4 руб. 50 коп.

ГОДЪ 55-й.

Пріемъ по дѣламъ редак-
ции отъ 12—2 час. днія.
Контора газеты открыта
отъ 10—4 ч. днія.

Редакция и главная кон-
тора помѣщаются на Ка-
раваевской ул. № 5.
Тел. №№ 63 и 52—55.

КІЕВЛЯНИНЬ

1917

2-ОЕ
НОЯБРЯ.

1919

ОРЛЫ.

Это случилось почти одновременно.
Почти одновременно образовались три цен-
тра, три силы.

Двадцать седьмого октября 1917 года
въ Петроградѣ подняли свое красное знамя
большевики. 1-го ноября Украинская Рада
взяла власть въ свои руки въ Кіевѣ. И 2-го
ноября родилась Добровольческая Армія въ
Новочеркасскѣ.

И вотъ уже два года, какъ эти три
силы ведутъ между собой жестокую, смер-
тельную борьбу.

Въ началѣ большевики имѣли голово-
кружительный успѣхъ. Спустившись съ сѣ-
вера, какъ нѣкое „сѣверное племя“ (такъ
думали нѣкоторые наши просвѣщенные дру-
зы за границей), они захватили все, всю
европейскую Россію въ томъ числѣ и Кіевъ,
и Новочеркасскъ.

Это было въ началѣ 1918 года. Послѣ
десятидневной бомбардировки Кіева тѣже-
лыми снарядами, Украинская Рада при свѣтѣ
пилающего факела (это горить дома старо-
го колдуна Михайла Грушевскаго) помчала-
лась въ автомобіяхъ на западъ по Брест-
скому шоссе, чтобы упасть въ ноги нѣмцамъ.

— Ратуйте хто въ Бога вѣру!

А что сдѣлала Добровольческая Армія?
Добровольческая Армія изъ Новочер-
касска ушла, но никому не поклонилась.

Гордая и непреклонная горсточка людей
поклонилась только вольной степи и сво-
бодной смерти. Тамъ, на Кубанскихъ равни-
нахъ стоять одинокіе крестики, отмѣтившіе
путь тѣхъ, кто не былъ рожденъ ни для
рабства ни для предательства.

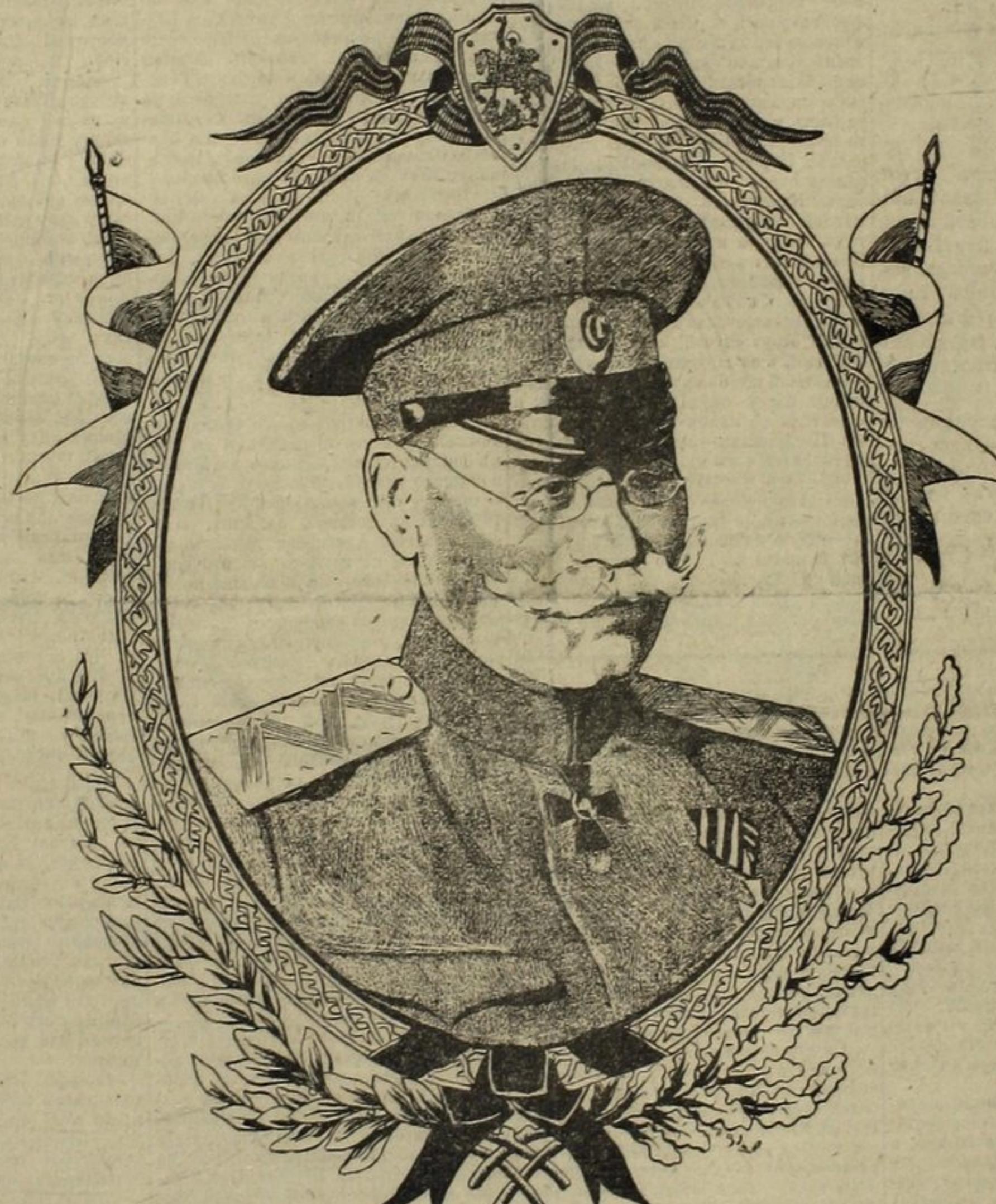
Эта горсточка совмѣстно съ тѣми, кто
бѣко работалъ для нея въ разныхъ мѣ-
стахъ, одна только и сохранила имя и честь
Россіи.

Остальные сто семьдесятъ миллионовъ
или стали илотами Брайштейно-Ульянов-
ской касты, или же сдѣлались предателями,
которые измѣнили Русскому имени купили
жалкое временное благополучіе.

Украинская рада и смѣнившій ее гет-
манъ, при помощи нѣмецкихъ штыковъ
отдвинули большевистскую стихію на всѣмъ
пространствѣ, занятому малорусскимъ пле-
менемъ. Но легко нажитое легко и сплы-
ваетъ.

Когда рухнули нѣмцы (послѣ краткаго
временного налѣта Петлюры этой украинской
змѣи съ большевистскимъ хвостомъ) подли-
ны большевистскій удачъ вновь захватилъ
почти всю Россію. Это было въ началѣ
1919 года.

Всю, да не всю. Горсточка людей, сле-
дѣвшихся на зовъ Алексѣева, скитаюсь въ
казачьихъ степяхъ, нашла въ казачествѣ
физическую и моральную силу, способную

ОСНОВАТЕЛЬ и ВЕРХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
Добровольческой арміи
ГЕНЕРАЛЪ
Михаиль Васильевичъ АЛЕКСѢЕВЪ.

Она пришла...

СТИХОТВОРЕНИЕ
Н. Кострубо-Корицкой.

Въ страну вражды, кроваваго насилия,
Въ страну безъ имени, безъ власти, безъ святынь,
Гдѣ подавлялся стонъ отъ злобнаго безсия,
Предъ силою разнудзанныхъ гордынь,—

Она пришла стъ водъ прозрачныхъ Дона,
Скиталица двухъ тяжкихъ долгихъ лѣтъ,
Безъ жалобы, безъ ропота, безъ стона
Исполнившая тягостный обѣтъ.

Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ терновыми шипами,
Съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ неслабнущихъ рукахъ
Она пришла съ священными словами:
«Да будетъ миръ и въ избаѣ, и въ дворцахъ».

Она пришла не ради громкой славы,
Не требуя ни гимновъ, ни наградъ,—
За тихій Донъ, за Харьковъ, за Полтаву,
За близкую Москву, за путь на Петроградъ...
Она пришла какъ счастье, какъ Мессія,
И принесла съ собой и радость, и любовь...
Съ ней крылья сильныя распространяютъ вновь
Къ полету горнему спасенная Россія!
(«С. О.»)

Они сбѣжались подъ непреклонный знамена Алексѣева и Корнилова—знамя, которое, умирая, оба генерала завѣщали Деникину.

Неодолимая твердость кубанцевъ под-
крѣпила въ самую трудную минуту слѣ-
бѣющій Донъ, вырвала Новочеркасскъ изъ рукъ
большевиковъ, увлекла за собой освобожден-
ный Терекъ, и тогда, опираясь на три ка-
зачихъ гнѣза, Добровольческая Армія вы-
шла на широкій путь.

Къ сѣверу должны были отойти большеви-
ки, странное сѣверное племя съ южнымъ
начальникомъ. На западъ уходить Петлюра,
профессиональный предатель уходить прода-
вать Бессарабію румынамъ, какъ продать
«Украину» нѣмцамъ.

Вторая годовщина заставляетъ Деникина
въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Царицынѣ,
Владикавказѣ, Новороссійскѣ и Севастополѣ,
правителемъ „Юга Россіи“ съ сорока мил-
лионнымъ населеніемъ. Если бы Россія была
величиной съ Францію, она бы была уже
всѧ отвоевана.

Будущее сулитъ еще много тяжелыхъ
испытаний; Бронштейнъ и Петлюра, заключивъ
противоестественный союзъ, сыплютъ
милліарды въ тылу у нашихъ войскъ, наими-
ная Махновъ, Зеленыхъ, Шубъ, Ромашекъ
и другихъ имена-же ихъ ты, Врагъ Чело-
вѣческій, вѣси.

Они страшны, но не очень. Послѣ тя-
желыхъ испытаний, заминокъ, остановокъ
мы выдѣмъ на путь, если...

Да, есть одно если.

У насъ есть одинъ страшный врагъ:
это мы сами.

Орлы непобѣдимы. Орлы гордые и чи-
стые, орлы, которые смотрятъ солнцу въ
глаза, взмоютъ въ верхъ.

Орлы не кланяются никому: а двугла-
вые орлы вѣнчаютъ Россію.

Но коршуны, ястребы и малые копчи-
ки, эти погибнутъ. Ибо коршуны кланяются
добычѣ.

Не дай намъ, Боже, стать изъ орловъ
коршунами. Не дай намъ вмѣсто Россіи по-
клоняться грабежу. Не дай намъ, Господи,
чистое знамя Великой Россіи опозорить сле-
зами и проклятіями того Русскаго народа,
ради котораго ежедневно безропотно съ свѣ-
тлой улыбкой на юныхъ устахъ умираютъ
наши сыновья...

Орлы, не грозите вашихъ мощныхъ и
чистыхъ когтей! Помните, что имъ при-
дется держать скіпетръ и державу.

В. Шульгинъ.

Генераль М. В. Алексеевъ.

Основатель и Верховный руководитель Добровольческой Армии ген. М. В. Алексеевъ происходил из семьи небогатаго армейского офицера.

Въ дѣствѣ своемъ, быть можетъ, въ силу условій жизни, онъ не проявилъ особыхъ способностей и даже не окончилъ гимназію, но съ течениемъ времени наука увлекла М. В. и онъ изъ простого армейского офицера сдѣлалась профессоромъ академіи, достигнувъ этого своей энергией и трудомъ.

М. В. окончилъ Московское юнкерское училище; былъ произведенъ въ прапорщики и назначенъ въ 64 Казанскій полкъ, съ которымъ и пошелъ въ турецкій походъ 1877 г.

За періодъ кампаніи 1877—1878 гг., которую Михаилъ Васильевичъ провелъ съ началомъ конца, онъ былъ награжденъ боевыми орденами св. Станислава 3 ст. и Анны 3 и 4 ст.

Затѣмъ М. В. былъ произведенъ за отличие въ штабѣ кавалеріи и назначеннѣй командиромъ роты.

Командуя ротой, Михаилъ Васильевичъ не оставлялъ подготовки къ армии и вскорѣ поступилъ въ нее.

Кончилъ армію М. В.—первымъ и затѣмъ отбылъ лагерный сборъ при штабѣ гвардейскаго корпуса, но съ переводомъ въ генеральный штабъ получилъ назначение въ штабъ 1 армейскаго корпуса.

Затѣмъ М. В. получилъ кавалерію по военной исторіи. Во времена японской войны съ ноября 1904 года М. В. получилъ назначение генераль-квартирмѣстера 3-й Манчжурской арміи. За періодъ войны съ Японіей М. В. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст. съ мечами и золотымъ оружіемъ за сраженіе подъ Мукденомъ.

По окончаніи войны М. В. вернулся въ Петроградъ и занялъ мѣсто второго генераль-квартирмѣстера въ новопереформированномъ управлѣніи генерального штаба.

Славныя годовщины.

«Въ эти годы прошло многое, въ эти годы слышались смѣшиные звуки, въ эти годы бывали почетные звания, присвоенные великимъ спасителямъ—русскимъ офицерамъ».

Изъ речи ген. Деникина 1 ноября 1918 года.

Годъ тому назадъ, заканчивъ первой годовщиной существованія Добровольческой Арміи, ея Главнокомандующій генераль Деникинъ въ Екатеринодарѣ, на торжественномъ засѣданіи Кубанской Красной Рады въ сильныхъ и проникновенныхъ словахъ подвелъ итогъ всего совершилого Арміи за первый годъ съ жизни и со свойственной ей прямотой, высказалъ свою взглядъ на дальнѣйшія ея задачи, взглядъ, который исповѣдывалъ тысячи добровольцевъ, безпрепятственно сдѣлившихъ отъ Алексеевъ, Корниловъ, Марковъ и тѣ же, какъ и въ нихъ силою выразившихъ въ ихъ премъни, генерала Деникина, на долю которого выпалъ высокий и тяжелый жребій руководить возставшей изъ мертвыхъ страной.

Слушавшимъ слова Главнокомандующаго все прошлое казалось сномъ. Дѣйствительно, всѣмъ годъ назадъ, Добровольческая Армія насчитывала въ своихъ рядахъ всего лишь 200 бедоложныхъ и головныхъ офицеровъ, а въ конецъ привыкавшаго къ нимъ подвать ген. Алексеевъ—всего лишь четыреста рублей. Со всѣхъ сторонъ на эту чучку любови, любви, Юдію, самые смигли, большие своей жизни, бросались гранаты и киветы, смыкались проклятия со всѣхъ сторонъ, ложь обволакивала эти «контрреволюционеры», для которыхъ слово Родина было многое близкое и священное, чѣмъ для тѣхъ, кто явилъ себѣ истинные защитники народа.

Все прошлое казалось сномъ. Было, проѣхавъ крестьянскимъ путемъ 1-го и 2-го Кубанскихъ походовъ, заплативъ за узы драгоценными жизнями Корниловъ и Марковъ, достигъ освобожденія Кубаніи, и, потерявъ потерь свыше 30,000 чел., убитыми и ранеными, вновь стала грозной силой, тревожившей народныхъ комиссаровъ.

Это казалось сномъ. Полученное во времена проповѣдіи рѣчи Газонокомандующимъ наизусть о взятии Добровольческими затѣнного на Сѣверномъ Кавказѣ Ставрополя вызвало вспышки общаго воспога, вызвало громадный подъемъ среди присутствовавшихъ.

Въ 1908 г. М. В. былъ назначенъ начальникомъ штаба Киевского военного округа, а въ 1911 году—командиромъ 13 армейскаго корпуса.

При началѣ мировой войны ген. М. В. Алексеевъ вступилъ въ должность начальника штаба главнокомандующаго Юго-Западнымъ фронтомъ.

Послѣ взятия крѣпости Перемышля въ мартѣ 1915 года ген. Алексеевъ получилъ назначеніе главнокомандующимъ Сѣверо-Западнымъ фронтомъ.

Въ августѣ 1916 года ген. М. В. Алексеевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго и сдѣлался фактическимъ руководителемъ всѣй Русской арміи.

На этомъ посту М. В. началъ подготовку арміи къ переходу въ наступленіе, но волна революціи перевернула всѣ предначертанія и рѣшительное наступленіе русской арміи, намѣченное на 9 апреля 1917 года не смогло состояться.

Оставшись послѣ революціи, по предложению Временного Правительства, во главѣ арміи, генералъ Алексеевъ тщетно старался остановить разложение арміи. Когда же выяснилась невозможность этого М. В. ушелъ со своего поста.

Дальнѣйшая событий поставили ген. М. В. Алексеевъ лицомъ къ лицу съ большевизмомъ и М. В. сразу же стать на путь энергичной борьбы съ большевиками.

2 ноября 1917 г. ген. М. В. Алексеевъ обнародовалъ свое письмо къ офицерамъ, звать ихъ на Донъ для создания новой арміи и похода противъ большевиковъ.

На его призывъ отозвались немногіе офицеры и самая юная молодежь—юнкера и кадеты. Въ то же время ген. М. В. Алексеевъ получилъ первое пожертвованіе въ 400 рублей.

Вотъ эти 200 человѣкъ и 400 рублей и составили ядро нынѣшней Добровольческой Арміи.

Ген. М. В. Алексеевъ не доѣдѣлъ, къ величайшому горю всѣхъ русскихъ людей, до свѣтлыхъ дней Добровольческой Арміи.

25 октября 1918 г. М. В. скончался отъ воспаленія легкихъ.

Прошло еще годъ, сколько событий поглотилъ оѣ, какъ измѣнилась судьба главнокомандующаго: не должно быть Арміи Добровольческой, должна бы быть Единая Русская Армія, съ единимъ фронтомъ, едиными командованиемъ, облечеными полной мощью и ответственностью лишь передъ русскими народомъ въ лице будущей законной верховной власти».

Сбылось желаніе добровольцевъ—нѣть разрозненныхъ сепаратныхъ армій, есть вооруженные силы Юга Россіи, растянувшіе свой фронтъ поперекъ всей Южной Россіи, болѣе чѣмъ на полторы тысячи верстъ.

События пошли дальше самыя радужные ожиданія; армія тѣхъ, что предательски отвернулись отъ своей Родины, и вражескими штыками создали себѣ временное приразное благополучіе, простили свое существование въ вязи съ созданиемъ вооруженныхъ силъ Юга, подчиненіе которыхъ Верховному Правителю Югіи адмиралу Колчаку сдѣлало эти силы той русской Арміей, о которой лишь чеготь годъ тому назадъ съѣхалась.

За послѣдній годъ Добровольческая Армія шла отъ плоти крою отъ крови старой героической русской арміи, созданной подъ руководствомъ ея доблестныхъ вождей, въ чистъ которыхъ были два русскихъ Верховныхъ Главнокомандующихъ, созданные величайшими страстотерпцами русскими офицерами—«всего лишь четыреста».

События пошли дальше самыя радужные ожиданія; армія тѣхъ, что предательски отвернулись отъ своей Родины, и вражескими штыками создали себѣ временное приразное благополучіе, простили свое существование въ вязи съ созданиемъ вооруженныхъ силъ Юга, подчиненіе которыхъ Верховному Правителю Югіи адмиралу Колчаку сдѣлало эти силы той русской Арміей, о которой лишь чеготь годъ тому назадъ съѣхалась.

Исповѣдуя только одну мысль—возвращеніе Россіи, имѣя лишь одно чувство—любовь къ измѣненной странѣ,—Добровольческая Армія не можетъ не улечь за собой настрадавшіе подъ властью чрезвычайно русской народъ на борьбу за свою силу, въ мощной государственный ортанизмъ, съ которымъ считаются бывшіе друзья и бывшіе враги Великой Россіи, стремясь залечить ее въ свои покоренные миры войнъ рѣвой рѣды и не дѣлать тѣхъ, когда явились мечты высказанные генераломъ Деникинымъ—«тѣа добровольцевъ доведутъ: „Если нашу, любимую, болшую... до международнаго суда, чтобы тамъ она могла хотя тихъ и слабыи голосомъ сказать, что требуетъ русскій народъ».

«Да, требуетъ», повторилъ мы слова ген. Деникина, заставивъ годъ тому назадъ приткнуть Кубанскую Раду—имѣно требуетъ—это сознаніе, сознаніе моей несумѣнности отступивъ предъ представителями Россіи тамъ, где съ правомъ рѣзывающимъ голосомъ сидѣли представители Россіи, тамъ, где съ правомъ рѣзывающимъ голосомъ сидѣли представители Россіи, чѣмъ не Чили и Ураганъ.

И мы будемъ требовать,—кровь добровольцевъ, положившихъ свою жизнь за

Въ поискахъ родины.

Очерки изъ недавнаго прошлаго

А. Я. Лопуховскаго

Въ концѣ октября въ Киевѣ начались беспорядки. Большевики въ этомъ районѣ уже подняли голову, что въ центральной и сѣверной Россіи захватили власть при помощи и содѣйствіи генерала Коренскаго, который безжестко бросилъ дѣвѣнчиковъ ему казаковъ и, не подѣшивъ въ матроса, бѣжалъ, оставивъ подъ бѣгу большевиковъ. Оттолкнувъ сбітій быстро докатились до Киева, и мѣстные большевики, во главѣ съ братями Пятаковыми и Евгениемъ Ботомъ, подняли восстание.

Одновременно въ Киевѣ образовалась три правительства: Центральная Рада, заставившая въ Педагогическомъ музѣѣ, большевики въ Дворцѣ и комиссаръ Временного Правительства Киевенко, опираясь на юнкерскую, пѣхотную и артиллерійскую училища и пѣхотные батальоны. Головой опорой большевиковъ были солдаты понтионного батальона и разныя мелкія части. Генералъ Квіцинскій опирался на юнкерскую, пѣхотную и артиллерійскую училища и пѣхотные батальоны. Головой опорой большевиковъ были солдаты понтионного батальона и разныя мелкія части. Генералъ Квіцинскій опирался на юнкерскую, пѣхотную и артиллерійскую училища и пѣхотные батальоны.

Главной опорой большевиковъ были солдаты понтионного батальона и разныя мелкія части. Генералъ Квіцинскій опирался на юнкерскую, пѣхотную и артиллерійскую училища и пѣхотные батальоны.

Полковники Корененко, командиръ полка Георгиевскаго полка и офицерская рота предложили генералу Центральной Рады и къ вечеру денія Рады появился въ штабѣ округа.

Рада обнаглѣла и начала требовать, чтобы русская войска вышли изъ города, предоставивъ Квіцинскому помощникомъ комиссара юго-западнаго фронта, докторомъ Григорьевъ.

Это было типичный хватистъ и дуракъ. Въ память приступы онъ бѣжалъ.

оставались в Новочеркасске, прошли в съединении у генерала Алексеева. На этих съединениях присутствовали, кроме Шульгина и Половцева, еще Николай Николаевич Львов, Бландин и В. М. Родзинко.

Между прочим, насколько было нетерпимо отношение воинского круга къ обженцамъ и къ идеи России, показываетъ такой случай. В. М. Родзинко хотѣлъ побѣхъ въ театръ, где, какъ кто-то сказалъ, молодежь собиралась ему устроить овацию. Въ этотъ

день кадеты Новочеркасского имени Цесаревича корпуса сорвали красную тканку съ памятника графу Платову и прикрыли его русскимъ национальнымъ флагомъ. На засѣданіи воинского круга заводились соціалисты всѣхъ этнокъ и въ испугѣ зачинали о контрреволюцію.

Вечеромъ Калединъ прислалъ своего адъютанта предупредить Родзинко, что готовившихъ ему овациихъ въ театре и потребовалъ, чтобы Родзинко въ театре не показывался.

Бѣдному Родзинку, видимо, очень хотѣлось побѣхъ въ театръ, и онъ, скрѣвъ сердце, стѣжелымъ вздохомъ отказался отъ удовольствія быть предметомъ оваций со стороны честной русской молодежи. Старикъ всегда отливалась слабостью къ народнымъ восторгамъ. Онъ даже обѣхълся и заговорилъ о томъ, что онъ уѣдетъ въ Россию, где его, конечно, убьютъ. Старика едва успокоили и отправили въ Кисловодскъ лѣчиться и отдыхать.

Туда же отправили и Гучкова—

отдыхать послѣ трудовъ по реформамъ въ русской арміи, какъ ему сказали Алексеевъ. Гучковъ, возвратившись отъ Алексеева, заплакалъ. И прѣѣхалъ сюда дѣлать то, что прикажетъ Иванъ Алексеевичъ, и готовъ быть у него водопозомъ. И не заслужилъ того, чтобы меня гнать изъ Кисловодска.

Въ результатѣ съединения было решено, что генералъ Алексеевъ созываетъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ въ организуемую имъ новую

рusskую армію, построенную на началѣ Добровольческой. Нужны были деньги: ихъ залъ въ суммѣ трехсотъ тысяч рублей. Л. В. Половцевъ, И. Н. Львовъ и Бландинъ, Восьмого ноября и получивъ приказаніе отъ генерала Алексеева отправиться въѣхъ въ Шульгинъ въ Киевъ поступить въ его и генерала А. М. Драгомирова распоряженіе и наладить эвакуацію и офицеровъ, и солдатъ на Донъ.

Петропавловская родина обратилась для меня вновь. Маленкій сѣдой генераль

съ добродушными глазами, смотрѣвшими изъ подъ очковъ, плѣлъ въ менѣ аѣру, что Родина будетъ отыскана.

Генералъ Алексеевъ говорилъ такъ спокойно и уверенно о предстоящей работе, что никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что этотъ человѣкъ, такъ много знавшій, прослуживши всю свою большую жизнь Россіи, могъ ошибаться. Онъ вѣрилъ въ Россію, за нимъ вѣрили мы.

А. Лопуховский.

Добровольческой Арміи.

Вы сказали: мы холодно встрѣтили васъ,
Но не знали тому вы причины.
Вѣдь, тогда, какъ огонь догорѣлъ и погасъ,
Не сверкать уже ярко камину.

Мы застыли безъ васъ въ эти жуткіе дни,
Въ эти дни безподнадѣйной измѣны.

Были мы безъ воды, дрогали огни,
А на хлѣбъ возвышались все цѣны.

О, не трудно голодному лечь самому
И не станемъ роптать тутъ на небо,
Но ребенку нѣтъ силъ отказать своему,
Когда просить онъ корочку хлѣба.

Но, увы, недоступенъ ужъ хлѣбъ сталь для насъ:
Сто рублей намъ платить не подѣли.

И "буржуи"—такъ называли средній нашъ классъ.—

Понемногу сбирались въ могилу.

Въ "чрезвычайки" тащили за слово одно,
Изъ души что болѣй вырывалось,

И пытали огнемъ темной ночью и днемъ,

Пока скорбная жизнь обрывалась.

Что за слезы лились, что за стоны тамъ стоять,

Словно стонъ умирающей чайки,

Сколько счастья и жизней разбилось у стѣнъ

Безподнадѣйной, какъ смерть, чрезвычайки.

Въ эти дни когда былъ такъ священникъ гонимъ

Когда смѣло молились не смѣли

Мы прокляты въ душѣ посыпали всѣмъ имъ,

А помочь мы себѣ не умѣли.

Мы ковровъ разстилали на балконахъ своихъ
Не могли-бы, если-бы даже хотѣли,—

Реквизиціей лучшее взято у насъ;

Что похоже, мы сами проѣли.

Въ городахъ у насъ даже нѣтъ овощей...

Гдѣ же было-на-намъ сыпать цветами?

Въ этотъ годъ на садахъ блеска нѣтъ ужъ въ цветахъ:

Вѣдь земля вся прожена слезами.

Когда въ городъ нашъ бѣдный вы стройной толпой,

Стройными войсками свободными входили,

Мы, не намъ ужъ самимъ: нашимъ дѣтямъ больнымъ

Состраданья, защиты молили.

Оправдайте надежды усталыхъ сердецъ,

Дорогие, отважные братя,

Что страданія наше настанетъ конецъ,

Что не будетъ ни слезъ, ни проклятья.

Будемъ вѣрить, что вновь засѣять весна,

Засѣять и счастье народа,

И Россия очнется отъ черного сна,

И очнется съ ней вѣсть природа.

Будемъ вѣрить, что въ зелени будуть поля.

Что покрытъ сейчасъ только кровью,

Что освѣтится наша родная земля

Лучезарной, какъ солнце, любовью.

Что рука мы съ рукой съ вами вѣстѣ пойдемъ

Что не будетъ въ душѣ укоризны,

И волшебное, яркое счастье найдемъ

Для страдалицы нашей Отчизны.

ГЕНЕРАЛЬ

Лавръ Георгіевичъ Корниловъ.

"Истинный сынъ народа Русскаго всегда погибаетъ на своемъ посту и несетъ въ жертву Родинѣ самое большое, что имѣеть—свою жизнь". (изъ обращенія ген. Корнилова къ народу).

Первый вождь.

(Эпизодъ пребыванія ген. М. В. Алексеева въ г. Черновицахъ)

Когда раздался громъ революціи, кровь на поляхъ жестокой войны и какое то другое отвѣченное офицерство совершило величайшіе подвиги ище вѣдь вѣдомо, что превосходно. Офицерству неизвѣданные самоотверженія. Офицерству отказывали въ элементарныхъ понятияхъ политической честности.

Прибылъ въ Черновицъ полкъ. Оберучевъ. Онъ началъ съ упрековъ и нотаций. Его выслушали молча, никто не отвѣтилъ ему ни слова. Вѣдь чувствовали, что началось мученіе и нужно убить терпѣть ради Россіи.

Оберучевъ, между прочимъ, сказали:

Офицерство должно отыскать видѣть честь мундира въ другомъ... Но это другое было обрисовано туманно и слишкомъ отвлеченно. Онъ самъ не зналъ, чѣмъ хотѣть, онъ вѣрить въ графарѣтъ лживыхъ представлений, которыхъ не было въ наѣ въ душахъ.

Когда Оберучевъ уѣзжалъ изъ Черновицъ, чтобы вернуться въ Баменецъ, сопровождавшій его ротмистръ Б. скажалъ ему на пути: "Вы говорили о чести мундира, о чрезвычайной легкости нашего положенія сейчасъ, когда все разнуздано—но, скажите, почему же вы—командующий войсками Кіевскаго округа, полковникъ Русской Арміи—вы предпочли мундиру штат-

скій костюмъ, оставилъ наѣ безъ наѣднаго примѣра, какъ носить его". Оберучевъ ничего не отвѣтилъ.

И вотъ послѣ такихъ вѣсковыхъ визитовъ неожиданно, скромно и дѣлово прибылъ въ Черновицъ генераль М. В. Алексеевъ.

Невольно все, что было лучшаго и честнаго, встрѣчили гостя. Вѣдь хорошо знали, что приѣхалъ человекъ высокой честности, прошедшій стройный путь служенія родинѣ съ тѣмъ самоотверженіемъ, котораго не оказалось въ прошломъ у поѣзившихъ наѣ до него, не оказалось и потому—мы это хорошо знаемъ.

Всѣ насторожились и потинулись къ ген. М. В. Алексееву.

Въ скромной квартире у него пѣребывали всѣ его старые сослуживцы.

Не думая о рангахъ и чинахъ, они шли къ нему узать истинное слово момента безъ тѣхъ прикрасъ, безъ той лжи, какая неизвѣдно сопутствовала всѣмъ побывавшимъ наѣ въ земляхъ революціи.

Къ М. В. шли, чтобы подѣлиться горестями и печальми, чтобы позаимствовать у него того спокойствія, какимъ онъ отличался въ самые тѣжелы дни своей жизни.

Скромный М. В. говорилъ мало. Въ тихой рѣчи его чувствовалась грусть и печаль. На душу его уже легъ тѣжелъ камень, подъ тѣжелъ котораго она

ушла изъ этого міра. Еще болѣе скажалъ его видъ—измученного и болѣнаго человека.

Одно уѣзжало: въ скрытыхъ, умныхъ глазахъ его теплился ровный, упрѣній огонь. Онъ приготовился терпѣть и, не теряя вѣри въ Россію, надѣлся на лучшее будущее. Съ печалью въ сердце мы ушли отъ него. Но памъятали всѣ, какъ мы дрогнули въ сырости землянокъ...

Славный мужичекъ. Мнѣ солдатъ, бывало, сварить спозаранокъ Супа кателькотъ.

Тамъ, уставъ отъ боя, вѣрте иль не вѣрте. Жаждешъ подъ конецъ,

Словно избавленія, наступленія смерти. Смилуйся Творецъ!

Чо, увы покоя не дать офицеру И конецъ войны;

На родимой почѣ за народъ и вѣру Биться мы должны:

И какъ много гибнетъ жизней офицерскихъ За отчизну—мать На Дону, Кубани и въ ущельяхъ Терскихъ,—

Не пересказать! И хотя никто наѣмъ возмѣстить не сможетъ Годы долгихъ муки,

Но настанетъ времѧ—о наѣ пѣсно сложеть Благодарный внукъ.

Маркъ Варенцевъ.

Уже тѣхъ оѣ былъ вождемъ Добровольческой Арміи, арміи честныхъ людей и русскихъ офицеровъ—арміи, которая знала, что придетъ замѣнить собою разлазившую русскую армію 1917 года и долго пестри тѣжелый крестъ медленного возрожденія порушенной Россіи.

После этой рѣчи, послѣ этого поѣздія наѣ еще болѣе приблизилось къ вѣри, и терпѣнія.

Мы знали, что Русская Армія будеТЬ и первымъ вождемъ ея будеТЬ онъ—это скромный человѣкъ въ очахъ, опирающійся на линейку и такъ просто думавшій и говорившій.

У наѣ былъ Армія и нашелся ей первый вождь.

Во вторую годовщину реальнаго существованія этой Арміи—мы низко склонимъ головы передъ его памятью первого вождя Добровольческой Арміи.

Слава живымъ, честно выполняющимъ завѣты своего первого вождя.

Офицеръ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ГОДОВЩИНЫ ДОБРАРМИИ ПЕРЕНЕСЕНО НА ЗАВТРА.

